

Задание, которое выпало Шань Я Туну, нельзя было назвать ни слишком сложным, ни слишком простым.

Он с полуулыбкой смотрел на Ло Янь Цяня, стоявшего в центре сцены. Тому выпало задание попросить женщину из зрительского зала сыграть вместе с ним сцену из клипа на заглавную песню его нового альбома.

Сяо Ци Шэню достался простой вопрос.

- О, Ци Шэню достался вопрос... - с живым интересом произнёс ведущий-мужчина, - Скажите, кто из артистов был вашим любимцем в прошлом? Как всем известно, Ци Шэнь - самая популярная звезда, и нам, право же, любопытно, кого же из деятелей искусств предпочитает наш господин Сяо?

Сяо Ци Шэнь обвёл взглядом зал и наконец остановил его на Шань Я Туне.

Шань Я Тун, улыбаясь, встретил этот взгляд, и на его лице тоже отразилось любопытство.

Ло Янь Цянь заметил обмен взглядами между ними и, подавив лёгкий неприятный укол где-то в глубине души, улыбнулся в объектив камеры, которая вот-вот могла скользнуть по нему в любой момент.

- Мой любимый артист... - Сяо Ци Шэнь подпёр рукой подбородок, и в этом жесте невольно проступила бесконечная элегантность, - Цзин Ань Цзюэ. Моим любимым человеком был и остаётся Цзин Ань Цзюэ.

Шань Я Тун с улыбкой отвёл взгляд и слегка опустил голову; в это мгновение чёлка упала ему на глаза, скрыв их.

- Это же некогда бывший король сцены, Цзин Ань Цзюэ! - улыбка женщины-ведущей на секунду стала неестественной, но это длилось лишь одно мгновение.

Ведущий-мужчина подхватил тему:

- Господин Цзин создал множество классических образов и исполнил бесчисленное множество бессмертных песен, таких как "Возвращение", "Падающий песок", "Это не наша история" и других. Даже спустя четыре года созданные им персонажи по-прежнему живы в нашей памяти. Многие являются поклонниками Цзин Ань Цзюэ, включая меня, включая Цинь Цинь, и конечно же, нашего господина Сяо.

Шань Я Тун не слушал, о чём ещё говорят ведущие, но он заметил, что лицо Ло Янь Цяня стало каким-то не слишком весёлым.

Он с лёгкой улыбкой скользнул взглядом по Сяо Ци Шэню, который оживлённо беседовал с ведущими, затем посмотрел на доставшееся ему задание и прикрыл иронию, затаившуюся в глубине глаз.

- А теперь давайте посмотрим, какое задание досталось Я Туну? - женщина-ведущая, взглянув на бумажку Шань Я Туна, специально бросила взгляд на Сяо Ци Шэня, - Я Туна выпало воссоздать классику - исполнить ту самую знаменитую сцену из "Покоряющего город, разрушающего страну" (1), где Чжуан Чэн пьёт вино под луной и, сорвав цветок, дарит ему улыбку.

"Покоряющего город, разрушающего страну" - фильм, ставший лидером кассовых сборов пять лет назад. Сцена, в которой Чжуан Чэн в исполнении Цзин Ань Цзюэ пил под луной, а затем, оборвав цветок, улыбнулся, была признана самой классической улыбкой в истории кинематографа - улыбкой, которую, как писала пресса, невозможно превзойти.

Ло Янь Цянь с недоумением посмотрел на невозмутимого Шань Я Туна. Почему же при таком задании на его лице не дрогнул ни один мускул?

- Что ж, сейчас небольшой рекламный перерыв. Просим вас не расходиться, мы скоро вернёмся в эфир, - ведущие опустили микрофоны, и женщина-ведущая обратилась к Шань Я Туна: - Я Тун, проходи за кулисы переодеться в костюм. Держись!

Двое ведущих отошли в сторону, сделали по глотку воды, поданной ассистентами, и лишь тогда женщина-ведущая нахмурилась:

- Как же так вышло, что Сяо Ци Шэнь и Шань Я Тун перепутали задания? Что теперь делать?

Ведущий-мужчина с мрачным лицом взглянул на режиссёра программы, чей взгляд был не менее суров. Как человек с немалым опытом ведения передач, он сохранял хладнокровие:

- Будем действовать по обстоятельствам. Сейчас идёт прямой эфир, и мы не можем ничего вырезать. В крайнем случае, пусть господин Сяо повторит свой номер, и мы сделаем акцент на его актёрском мастерстве.

* * *

Рекламная пауза длилась всего две минуты сорок две секунды. Шань Я Тун успел переодеться в белые одежды как раз к моменту выхода на сцену.

Фоном служили лёгкий ветер и ясная луна. В центре сцены стоял резной столик, а в нескольких шагах от него на подставке красовался горшок с орхидеей.

Одетый в роскошные одежды, с волосами, уложенными в пучок и заколотыми нефритовой

шпилькой, Шань Я Тун медленно приближался к резному столику, и Ло Янь Цянь почти поверил, что перед ним воскресший Чжуан Чэн.

Белые одежды. Юноша, чьи черты были совершенны, словно сошедшие с картины, а в глазах мерцали блики влаги – будто печаль, горечь и насмешка одновременно.

Он откинул полу своего одеяния и сел. Одной рукой взял кувшин с вином. Серебристая струя, сверкая в свете луны, описала в воздухе прозрачную дугу и наполнила чарку.

Он поднял чарку и встал, устремив взор к висящей над головой луне. В его взгляде была такая невыразимая, бездонная нежность, словно это небесное светило было той самой женщиной, которую он любил до безумия. Кроме луны, для него более не существовало ничего на свете.

Ло Янь Цянь, оцепенев, смотрел на юношу на сцене. Этот человек – он и был Чжуан Чэном. Он был Цзинь Ань Цзюэ.

Оба ведущих едва могли поверить своим глазам. Неужели этот новичок... действительно способен воссоздать ту самую неподражаемую улыбку?

Заиграла фоновая музыка – то были переливы уединённого гучжэна (2).

Под луной юноша с длинными, как чёрный шёлк (3), волосами опустил свои миндалевидные, чуть раскосые глаза и осушил чарку до дна. Влага тотчас же придала его губам манящий, влажный блеск.

Он повернул голову и вдруг увидел распутившуюся орхидею. На мгновение застыв, он подошёл к подставке, протянул руку и бережно сорвал цветок. В его взгляде была такая глубокая, всепоглощающая нежность, что, казалось, он прошептал, словно в забытьи:

– Орхидея... зацвела...

И вдруг на его лице засияла лёгкая, чуть рассеянная улыбка. В этот миг его лицо озарилось невыразимым теплом, словно дуновение весеннего ветра, – каждый в зале был тронут этой улыбкой до глубины души и одновременно ощутил пронзительную горечь.

И зрители начали молиться в душе о том, чтобы та женщина, которую он любил, вернулась к нему.

Ло Янь Цянь, не сводя глаз с человека на сцене, очнулся только тогда, когда тот поклонился залу. Только в это мгновение он осознал: этот человек – Шань Я Тун, а не Цзинь Ань Цзюэ.

Ведущие, очевидно, тоже только что пришли в себя. Женщина-ведущая издала восторженный,

чуть утрированный возглас:

- Какое блестящее выступление! Согласны ли вы, дорогие зрители?

Шань Я Тун, чуть улыбнувшись, отвесил церемонный поклон (4), и когда он поднял голову, в уголках его глаз мелькнула едва уловимая, дразнящая чувственность.

Зал взорвался восхищёнными криками. Атмосфера накалилась до предела.

Сяо Ци Шэнь моргнул, скрывая собственное восхищение. Шань Я Тун всегда умел преподносить неожиданные сюрпризы.

Когда Шань Я Тун сел рядом с Ло Янь Цянем, тот наконец окончательно пришёл в себя. Он посмотрел на Шань Я Туна сложным, полным противоречий взглядом, в глубине которого таилось какое-то смутное, густое чувство, окутанное словно туманной дымкой – разглядеть его было решительно невозможно.

К концу программы, когда Шань Я Тун прощался со зрителями, зал встретил его гораздо теплее, чем в начале шоу.

Спустившись со сцены, Шань Я Тун только переоделся, как к нему подошла женщина-ведущая. Он застегнул последнюю пуговицу на пиджаке:

- Сестрица Цинь Цинь, - его щёки слегка заалели, а растерянный, беспомощный вид позабавил Ван Цинь Цинь.

Ван Цинь Цинь фыркнула, и от этого смеха юноша покраснел ещё больше. Она, посмеиваясь, достала две фотографии и протянула их Шань Я Туну:

- Мои двоюродные сёстры, увидев прямую трансляцию, тут же позвонили и потребовали твоего автографа. Я Тун, выручи сестрицу Цинь Цинь, а?

Шань Я Тун взял фотографии и увидел, что это были два его собственных снимка с улыбкой. Он взял ручку, лежавшую рядом, быстро вывел своё имя и протянул обе фотографии Ван Цинь Цинь:

- Сестрица Цинь Цинь, Вы слишком любезны.

Ван Цинь Цинь взглянула на размашистую, стремительную подпись:

- У Я Туна очень волевой почерк?

- А? - юноша, смущённый её похвалой, смущённо почесал затылок, и его щёки залились ещё более ярким румянцем - казалось, если бы её шутки продолжились, кровь могла бы хлынуть у него из лица.

Ван Цинь Цинь снова тихо рассмеялась и убрала фотографии в свою сумочку:

- В благодарность за то, что ты сегодня выручил меня, я сегодня вечером угощаю.

- Сестрица Цинь Цинь, на этот раз Вам придётся разочароваться, - Ло Янь Цянь как раз закончил снимать грим и, услышав слова Ван Цинь Цинь, протянул руку и обнял Шань Я Туна за шею. - Сегодня вечером Я Тун уже занят мной. Если сестрица Цинь Цинь не возражает, можем сходить вместе в тот новый французский ресторан.

Ван Цинь Цинь не стала возражать и с сожалением произнесла:

- Раз уж ты, паршивец, рядом, мне не удастся вдоволь полюбоваться на красоту Я Туна. Ладно, в другой раз приглашу его. Я Тун, не забудь оказать мне эту честь.

- Может, в следующий раз я сам приглашу сестрицу Цинь Цинь... - сказал юноша, и после этих слов лицо его стало ещё более багровым.

- Ха-ха, договорились, - Ван Цинь Цинь махнула рукой и с притворным сожалением добавила:
- Ну надо же! А я-то думала, сегодня вечером у меня будет свидание с красавчиком, а этот проказник Янь Цянь меня опередил.

Когда Шань Я Тун и Ло Янь Цянь наконец сели в машину, тот сказал:

- Заслужить расположение Ван Цинь Цинь - это большая удача.

Шань Я Тун откинулся на спинку сиденья и промолчал. Но он-то знал, что Ван Цинь Цинь всего лишь питает слабость к артистам его типа, и к удаче это не имеет никакого отношения.

Машина плавно скользила по дороге. Шань Я Тун слушал знакомые и в то же время до боли чуждые песни, и сон начал одолевать его.

- Я Тун, тебе ведь очень нравится Цзин Ань Цзюэ?

- Если бы ты не любил Цзин Ань Цзюэ, разве смог бы ты так блестяще сыграть ту самую классическую сцену?

Шань Я Тун открыл глаза. В темноте его карие зрачки казались чёрными, как тушь.

- Блестяще? – спустя долгое время он едва заметно улыбнулся и снова закрыл глаза, скрыв в их глубине всю свою горечь.

Он сыграл самого себя, свой собственный созданный когда-то образ. "Блестяще"? Разве может быть иначе?

Прождав так долго, он услышал в ответ всего лишь одно слово. Ло Янь Цянь, недовольный, перевёл взгляд на Шань Я Туна, но увидел, что тот закрыл глаза, а вокруг них залегла лёгкая синева – следы усталости, и все слова застряли у него в горле.

- Ты любишь Цзин Ань Цзюэ? – когда Ло Янь Цянь уже собрался отвести взгляд, Шань Я Тун снова открыл глаза и посмотрел на него.

Ло Янь Цянь, заметив красный свет, остановился:

- Он – мой самый любимый артист.

Красный сменился зелёным, и машина поехала дальше.

- Хм.

В повисшей тишине Шань Я Тун издал лишь этот один звук, и больше ни слова.

Ло Янь Цянь покосился на Шань Я Туна – тот снова закрыл глаза.

Он слегка задумался. Таким спокойным Я Тун был приятен для взгляда.

Казалось, глядя на его безмятежный облик, вся тревога в душе Ло Янь Цяня растворялась в небытии.

Уже отводя взгляд, он вдруг заметил, что его машина пересекла стоп-линию и вот-вот врежется в другую, обгоняющую их машину. Он поспешно вывернул руль. Внезапный толчок заставил Шань Я Туна открыть глаза.

- Всё в порядке, всё нормально, уже почти приехали, – Ло Янь Цянь смущённо улыбнулся Шань Я Туну.

Шань Я Тун потёр переносицу:

- У тебя вообще есть водительские права?

Ло Янь Цянь не нашёл с ответом.

1. 傾城國都 (Qīngchéng Guódù) – литературный перевод – покоряющий город и разрушающий страну – вымышленное китайское название фильма, аллюзия на классическое выражение "傾城傾國" ("склонить город, разрушить страну"), которым в китайской литературе описывают красавиц необычайной, губительной красоты. Название отсылает к эстетике древних китайских имперских драм и подчёркивает масштаб и легендарность фильма внутри повествования.

2. 箏 (gǔ zhēng) – гучжэн, чжэн или китайская цитра – традиционный китайский инструмент. Принадлежит к семейству цитры, родственен японского кото и цисяньцзиня. От последнего отличается количеством струн и конструкцией струнодержателя. В старину у него было от тринадцати до шестнадцати шёлковых струн, сейчас количество струн увеличилось до двадцати пяти металлических (сталь для высокого регистра и сталь с медной оплёткой для басовых). На инструменте играют различными способами, чаще всего левой рукой регулируют натяжение струны, а правой цепляют, производя звук. Некоторые исполнители используют плектры, закреплённые на пальцах правой руки.

3. 青絲 (qīngsī) – литературный перевод – чёрный шёлк – поэтический эпитет, обозначающий длинные, блестящие, иссиня-чёрные волосы (в китайской эстетике чёрный цвет волос часто называли "синим" или "зелёным").

4. 打千 (dǎ qiān) – церемонный поклон – традиционный жест вежливости в древнем Китае: приветствие с поклоном и соединением рук (обычно для мужчин), выражающее уважение.

<http://bllate.org/book/18097/1736525>